

образования бытия, в результате которых зарождается новый антропный тип. В качестве антропных ценностей на креативных стадиях аксиогенеза последовательно выступали титан-протей (Возрождение), верноподданный (Классицизм и барокко), философ-просветитель (Просвещение), художник-романтик (Романтизм), ученый-естествоиспытатель (Позитивизм), потребитель и неконформист (Модернизм), индивидуальный потребитель (Постмодернизм). Окружающее бытие отражается креативной культурой, в первую очередь, посредством идеологии и науки (с. 241).

Итогом противопоставления традиционных и креационистских культур служит разработанное автором представление о динамике их экзистенциальных ценностей. Каждая ценность культурно-исторического тезауруса имеет свои экзистенциальные истоки. Иначе говоря, у каждой культурно-исторической эпохи есть свой смысл жизни. Так, например, для архаической культуры смысл жизни—это род и его воспроизводство, а для традиционной скотоводческой культуры экзистенциальной ценностью являются военные победы и доблести, а также животное.

Современное состояние культуры характеризуется

сменой модернизма постмодернизмом. Это означает смену экзистенциалов экстенсивного потребления и тотальной оригинальности на индивидуализированное потребление как смысл жизни. «Модернистская конфронтация постепенно перерастает в конформизм и терпимость к иному» (с. 577), с которыми И. И. Докучаев связывает в заключении монографии свои надежды на выход из порожденных модернизмом форм кризиса.

Книга И. И. Докучаева важная и нужная не только для аксиологии культуры, но и для общественного праксиса. Больше всего насилия рождается из уверенности в непоколебимости, универсальности собственной системы ценностей. Самые ужасные формы тоталитаризма, кризис духовности—вот настоящая плата за монополизацию ценностей. Поскольку ценности субъективны и несоизмеримы, то конфликт между ними неразрешим. Поэтому будущее человечества неразрывно связано с признанием мультивариантности социума и культуры.

Хочется поблагодарить автора монографии за проделанный труд и надеяться на разрешение им вопросов, которые не нашли пока что в исследовании достаточных ответов.

Костюрина Н. Ю.

N.Yu.Kostyurina

ЧЕБАНЮК Т. А. ПАРАДИГМА «ЧЕЛОВЕКА ПРОСВЕЩЕННОГО» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. — 2-Е ИЗД., ПЕРЕРАБ. И ДОП. — ХАБАРОВСК: ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА, 2007. — 382 С.

T.A.CHEBANYUK, THE PARADIGM OF "ENLIGHTENED MAN" IN THE RUSSIAN CULTURE OF LATE 17 AND EARLY 19 C. MONOGRAPH. 2-ND EDITION REVISED AND ENLARGED. KHABAROVSK, FAR-EASTERN STATE SCIENTIFIC LIBRARY, 2007. 382 P.

Монография Татьяны Алексеевны Чебанюк посвящена осмыслению особой эпохи в истории русской истории и культуры—эпохи Просвещения; эта книга занимает важное место в ряду работ таких исследователей русской культуры, как А. Ахизер, И. Кондаков, Л. Черная, А. Марков, М. Зезина и др.

Само обращение в начале XXI века к эпохе русского Просвещения, конечно, не случайно, напротив, очевидная рубежность сегодняшнего времени, формирование новой культуры современной России, трансформации человека в ситуации реалий сегодняшнего дня делают подобное исследование не только закономерным, но необходимым обращением к истокам и основным этапам русской культуры Нового времени, с ее проектом рационального переустройства мира и верой в прогресс; необходимым, поскольку только адекватная интерпретация прошлого дает нам ключ к пониманию настоящего и позволяет прогнозировать развитие событий в исторической перспективе.

Культурно-антропологический подход, примененный в исследовании, позволяет автору приблизиться к пониманию, может быть, одной из самых сложных задач гуманитарного знания—пониманию сущности человека, его места в мире, смыслов его существования, представле-

ний о Боге, Другом, самом себе, о способах мышления, чувствования, деятельности, причем не только в сфере должностования, представления об идеальном человеке эпохи, но и в формах его конкретных воплощений, решая, таким образом, задачу исследования индивидуального, уникального и типологически-обобщенного одновременно.

Т. А. Чебанюк удается достичь в своей работе идеального баланса между теоретическим обобщением и фактологической убедительностью, избежать крайностей, которыми зачастую грешат культурологические исследования—философской автономии от культурно-исторических реалий или искусствоведческой увлеченности деталями.

На обширном материале русской культуры XVIII века, с которым виртуозно обращается автор, исследуются варианты модели «человека просвещенного» и способы моделирования парадигмы человека эпохи Просвещения—абсолютизация, идеализация и нормативность, сформировавшие представление о человеке как носителе исключительных родовых свойств, вневременных природных и гражданских качеств, воплощавшихся в эпоху Просвещения в конкретных формах служения Отечеству,

Костюрина Н. Ю. Чебанюк Т. А. Парадигма «Человека просвещенного» в русской культуре конца XVII — первой четверти XIX века. Монография. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Хабаровск: Дальневосточная государственная научная библиотека, 2007. — 382 с.

просвещенческой деятельности, нравственной жизни и разумного действия.

Категория действия оказывается наиболее значимой для исследователя и в этом, с одной стороны, проявляется близость авторской позиции традициям деятельностного подхода в культурологии, представленного работами М. Кагана, Э. Маркаряна и др., а с другой — активная гражданская позиция русского человека XVIII века оказывается характернейшим признаком эпохи Просвещения.

Усилия «человека просвещенного» были направлены на поиски конкретных путей и средств «приближения общества благоденствия» (с. 50), отмечает автор, а в зависимости от форм личного участия в этом преобразовательном процессе человек просвещенный представлен в исследовании в инвариантных моделях «человека деятельного», «сына Отечества», «спасителя Отечества», «человека чувствительного», «просвещенного либерала».

Основным способом существования человека эпохи Просвещения неизменно является служба (служение) на благо Отечества, при этом служба понимается как единственно возможная форма взаимоотношений человека и государства, а формы служения, имеющие целью разумное преобразование мира, предполагают как словесное убеждение, так и политическое действие.

Первый инвариант человека просвещенного — «человек деятельный» — это человек «светлый, разумный, ученый, но еще не мыслящий и еще не гражданский... не оппозиционный по отношению к государству» (с. 160), его отличают новое, но во многом «мифологизированное и утилитаризированное сознание, действенное отношение к пользе Отечества», он социально внушаем, в нем не сформировано рефлексивное начало.

Для «сына Отечества» уже характерны ориентация на разум и закон, снижение уровня мифологизированности сознания, уменьшение порога социальной внушаемости, рационализм и утопичность, преобладание общего над частным, осознанная позиция гражданского служения на пользу Отечества.

«Человек чувствительный» преобразование мира видит прежде всего как нравственное усовершенствование, основой которого представляется не столько разум, сколько чувства, доброе сердце; человек чувствительный примирил «разнонаправленность интересов общества (государственность и всеобщее благо) и личности (счастье, добро)». Общественные пороки (неразумность, развращенность нравов), неизбежные в развитии человечества, должны быть изжиты на пути прогрессивного развития человечества.

«Спаситель Отечества», культивируя гражданские ценности, верен идеям «общественной пользы» и «гражданского служения», однако, стремясь к достижению этих целей, он оказывается в оппозиции к государственной власти. Для него характерны нравственный максимализм, героизация жизни и способа действия, жертвенность, преобладание энтузиазма над интеллектуальными процессами.

Ценностно-смысловая структура «просвещенного либерала» отличается формированием в ней идеи личной независимости. Идеалы общественной свободы соединяются с идеалами личной независимости и частной свободы.

Каждая из подробнейшим образом прописанных в исследовании моделей рассматривается Т.А. Чебанюк и в воплощении этого идеала конкретной исторической личностью.

Основная задача автора — обозначить специфику эпохи Просвещения как века разума и рациональности, охарактеризовать те формы идеала человека, которые формируются в рамках светской, европейски ориентированной идеологии России. Стремясь к этому,

Т.А. Чебанюк подчеркивает различную модальность концептов преобразования мира и человека в культуре русского Средневековья и Новой культуре, сосредоточивая все внимание на новых качествах человека, сформированных в период конца XVII — начала XIX вв.

Однако, если рассматривать проблему Нового времени не только с точки зрения ее специфики, но и типологии, очевидно, что Новое время в России со Средневековьем (а потом и Советским временем) роднит именно идея служения, служения беззаветного, жертвенного и основанного именно на вере; изменяется, скорее, модальность веры — идея Бога подменяется идеей государства, Священное писание — трактатом «Об общественном договоре» Руссо, а затем трудами марксистов. Представляется, что многие характеристики эпохи, сформулированные автором, также могут иметь религиозную православную этимологию: «естественные свойства человека... или не принимались в расчет, или рассматривались в подчинительном отношении к необходимости устройства государственного общежития» (с. 214).

Многие исследователи отмечали, что для России исторический выбор всегда определялся наличием сверхличной идеи, со спецификой которой связаны конкретные формы ее достижения в ту или иную эпоху. Более того, И. Хейзинга, например, считал, что культура возможна только там и тогда, где сложилась такая внеличная идея. На этом основано традиционное культурологическое различие культуры и цивилизации; в русском варианте — традиционной (православной) культуры и европейской секулярной цивилизации.

Человек на самом деле почти никогда не был в России мерилем всех вещей, в социальной практике любого времени детерминированы жертвенность и самоотверженность в качестве функциональных составляющих его гражданского (или религиозного) долга.

Европейская идея пользы выросла из представления о свободе индивидуальности, не забывающей за личной выгодой и общественную пользу, недаром французский эквивалент названия эпохи может быть обозначен как «Век Светочей», актуализируя таким образом именно идею личного достижения.

Петровская эпоха предложила идею личной выгоды, индивидуального достижения, рациональных усилий, ведущих к этой цели, личного достижения, карьеры, но в дальнейшем русская идея пользы формируется вне идеи индивидуальной выгоды; общественная, общая польза в любом случае осмысливается как предшествующая индивидуальным целям, в этом принципиальное отличие аксиологии русского Просвещения от европейского. Эта аксиология, очевидно, берет начало в средневековой системе ценностей и, как показывает дальнейшая история России, не исчерпывает ее вплоть до начала XXI столетия.

Современный период русской культуры отмечается как раз упадком идеи жертвенности и служения и формированием идеи пользы, в том числе индивидуальной выгоды, потребления. Интересным воплощением этих изменений является трансформация русского интеллигента (для которого идея служения является ключевой, основополагающей) в интеллектуала, для которого более важны идеи личной свободы, личного блага. Идея рационального, разумного отношения к миру только теперь заменяет идею личностно-эмоционального отношения и осознается нами как носителями традиционного русского менталитета как крах, упадок «высокой культуры».

Представляется, что если бы исследование было продолжено и включило бы в себя типологию праведников Средневековья и нового человека советского времени, такая работа могла бы стать убедительной кодой споров о типологии, периодизации и национального своеобразия нового времени в целом.